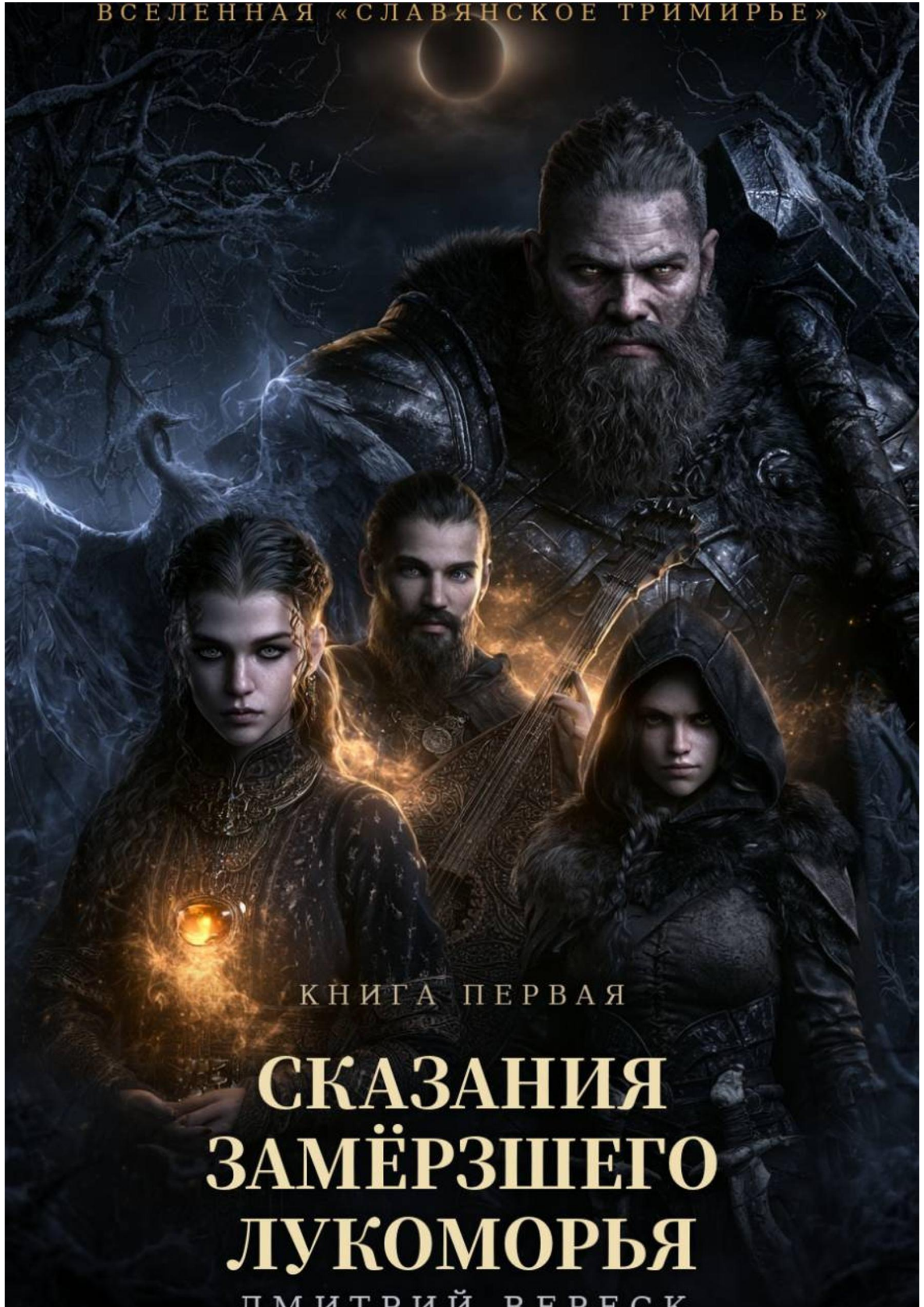

ВСЕЛЕННАЯ «СЛАВЯНСКОЕ ТРИМИРЬЕ»

A movie poster for 'The Slavic Trinity' (Славянское Тримирье). The background is dark and atmospheric, featuring gnarled, leafless trees and a glowing, ethereal light source in the upper center. Three characters are prominently displayed: a large, bearded man in dark, fur-trimmed armor stands in the background, holding a large, ornate axe. In the foreground, a woman with long, dark hair and a serious expression holds a glowing, golden orb. To her right, a man with a beard and a hooded cloak looks on. The overall tone is mysterious and epic.

КНИГА ПЕРВАЯ

СКАЗАНИЯ ЗАМЁРЗШЕГО ЛУКОМОРЬЯ

ПМИТРИЙ ВЕРЕСКИ

Дмитрий ВЕРЕСК

Сказание замершего Лукоморья

«Автор»

2026

ВЕРЕСК Д.

Сказание замершего Лукоморья / Д. ВЕРЕСК — «Автор», 2026

Путь Забавы и её спутников от первого бегства до сердца оставшегося людского мира — Светлогора. С каждой книгой раскрывается не только сама героиня и природа того, что она носит в себе, но и истинный масштаб происходящего: кто на самом деле стоит за цепью бед, обрушившихся на мир, и какова настоящая цена, что придётся заплатить за его исцеление. Каждая книга — это одновременно приключение, разговор о цене выбора и постепенное собирание разрозненных нитей в единую картину, за которой скрывается тот, кто предпочитает оставаться в тени дольше всех прочих.

© ВЕРЕСК Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Дмитрий ВЕРЕСК

Сказание замершего Лукоморья

Глава 1

Глава 1. Клетка для сирин

Солнце висело над Лукоморьем багровым, погасшим глазом — оно было на месте, как и полагается солнцу, но тепла в нём осталось не больше, чем в чужой монете. Дажьбог забрал колесницу давно, и с тех пор светило просто стояло на небе по привычке, как стоит на пепелище печь, из которой десять лет как вынесли огонь.

Под ним лежала Явь — не мёртвая ещё, но уже и не совсем живая: снег, что не таял с прошлой осени, реки, вставшие подо льдом там, где раньше торговый люд гонял плоты, леса, которые роняли листву не по сроку, а будто устав ждать тепла, что так и не пришло. Кто-то однажды сказал бы, что в этом есть своя красота — в том смысле, в каком красивы кладбища поздней осенью. Никто давно не говорил этого вслух: слишком уж холодно было для лирики, а те, кто ещё помнил слова для красоты, давно предпочли им слова для выживания.

Ближе к сердцу Чернолесья, там, где деревья стояли особенно плотно, будто до сих пор пытались загородить собой что-то важное, из земли поднималась обитель волхвов. Стены её не были сложены из камня — они выросли, много поколений назад, из живых некогда дубов, чьи стволы сплели и сросли в подобие сводов, а корни ушли так глубоко в почву, что образовали залы под землёй прежде, чем кто-то додумался вырыть их лопатой. Резьба на стенах — солнца, птицы, спирали — когда-то славилась ту самую природу, именем которой волхвы теперь клялись, вода ножами по чужой коже.

В одной из верхних зал этой мёртвой рощи, там, куда через узкие бойницы всё же проникал скудный дневной свет, стоял человек, ожидавший вызова с той выправкой, что вырабатывается не молитвой, а годами строя.

Лютобор не любил ждать. Не потому что был нетерпелив — нетерпение было роскошью для тех, кто мог себе позволить не рассчитывать каждую минуту дня, — а потому что ожидание оставляло слишком много места для мыслей, которые он давно научился не подпускать ближе определённой черты. У него была для этого своя система, отработанная годами: считать шаги караульных за дверью, считать трещины в бойнице, считать что угодно, лишь бы не считать то единственное число, которое всегда оказывалось на дне любой тишины длиннее нескольких вдохов, — число людей, вышедших с ним на лёд, и число тех, кто с него вернулся.

Сегодня система не срабатывала. Слишком уж день был не похож на обычные.

— Ты звал меня, — сказал он, когда дверь наконец отворилась и в проёме показался Кручин — старший из волхвов, тот, чьё слово в этих стенах стояло выше любого другого, кроме, быть может, самих богов, если бы боги всё ещё считали нужным здесь появляться.

— Звал, — подтвердил Кручин, жестом приглашая его войти. Голос старика был сухим, лишённым той дрожи, что звенела в голосах младших служителей этим утром — все они знали, какой сегодня день, и все, кроме, кажется, самого Кручина, боялись его. — Сегодня мы завершаем то, что начали много лет назад с девчонкой-птицей.

Лютобор молча ждал продолжения. Он давно усвоил, что Кручин не любит, когда его торопят вопросами, — предпочитает выкладывать мысль целиком, неспешно, как выкладывают на стол карты в игре, исход которой уже решён заранее. За те годы, что Лютобор служил обители, он успел изучить эту манеру до последней чёрточки: старик никогда не лгал напрямую — просто раскладывал правду так, чтобы она сама подводила слушателя к нужному выводу, оставляя ему иллюзию, будто вывод этот он сделал сам.

— Ритуал должен пройти чисто, — продолжал старик, подходя к узкой бойнице и глядя на багровое небо с тем безразличием, с каким смотрят на нечто, давно переставшее удивлять. — Но чистых ритуалов в моей жизни было ровно два, Лютобор. Оба — не сегодняшний.

— Ты ожидаешь, что она вырвется.

— Я ожидаю, — сказал Кручин, оборачиваясь, и в этом движении была та же неспешность, что и в голосе, — что двоедушница, в которой годами спала ярость, о которой мы можем только догадываться, отреагирует не так, как нам бы хотелось, в момент, когда эта ярость наконец получит повод проснуться. Я немолод, но не глуп. Готовься к тому, что план сорвётся, и тогда провал не будет провалом — будет просто вторым планом, о котором знаешь только ты.

— Что от меня требуется?

— Если она вырвется — а Око останется с ней, в чём я почти уверен, — твоя задача простая, — Кручин говорил теперь тише, будто самым тоном хотел подчеркнуть, насколько простой на самом деле была задача, несмотря на всё, что она в себе несла. — Верни её. Живой, если получится. Верни Око, если не получится вернуть её. Не дай ей уйти дальше границы Чернолесья — там, за деревьями, начинается мир, который не простит нам второй попытки.

Лютобор кивнул — коротко, по-военному, тем движением, что не оставляло места сомнению, даже если сомнение внутри и находило себе место. Он давно научился делать так, чтобы одно не противоречило другому: тело могло быть уверенным, пока голова оставалась свободна взвешивать всё заново, раз за разом, не показывая этого никому, даже самому себе.

— Ты понимаешь, зачем я поручаю это тебе, а не кому-то из младших воинов храма? — спросил Кручин, и в вопросе впервые прозвучало нечто похожее на человеческое любопытство, не только приказ.

— Потому что я не задаю лишних вопросов.

— Отчасти. — Старик слабо улыбнулся — сухими, почти безгубыми губами. — Но главным образом потому, что ты единственный из моих людей, кто по-настоящему понимает цену провала. Твоя дружина заплатила эту цену однажды. Я не сомневаюсь, что ты не позволишь себе заплатить её снова.

Лютобор ничего не ответил. Внутри, там, где годами жила отточенная, почти безупречная логика его собственных решений, что-то тронулось — едва заметно, как трогается лёд под тяжестью первого шага, — но лицо его осталось таким же ровным, каким было всегда, когда речь заходила о дружине, которую он больше не позволял себе оплакивать вслух.

Он помнил тот лёд лучше, чем помнил собственное детство. Помнил, как принял решение — единственно верное, единственно возможное в тех обстоятельствах, — отвести людей от прямого столкновения с тем, что ждало их на другом берегу, и обойти его севернее, где лёд, как ему доложили разведчики, держал крепче. Доклад оказался неверным. Или, может быть, верным, но опоздавшим на день. Он так и не узнал наверняка, потому что узнавать было уже некому: из полусотни, ушедшей с ним на тот манёвр, вернулся один. Он сам.

Годами после этого он искал в собственном решении трещину — ту самую ошибку, за которую можно было бы держаться, чтобы объяснить случившееся не капризом судьбы, а собственной виной, которую хотя бы можно было бы искупить. Не находил. Решение было правильным — так он себе говорил каждый вечер, так говорил себе и сейчас, стоя в этой зале перед человеком, который умел бить точнее любого клинка, просто произнося вслух то, что Лютобор годами предпочитал не произносить даже про себя.

— Я не подведу, — сказал он.

— Знаю, — ответил Кручин, снова отворачиваясь к бойнице, будто разговор уже исчерпал себя. — Именно поэтому ты стоишь здесь, а не кто-либо другой. Ступай. Собери людей. Ритуал начнётся с заходом того, что мы всё ещё по привычке зовём солнцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.